

УДК 316.334.4
ББК 60.561.4
С 34

Э.Л. Сидоренко,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России, заведующий лабораторией криминологического анализа и прогнозирования Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, тел.: +7(499)1501018; e-mail: 12011979@list.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КОРРУПЦИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные методологические подходы к измерению коррупции, показана ее сложная экономическая, политическая и социальная природа. На основе обобщения существующих приемов исследования взяточничества предложена авторская системная методика оценки коррупции (СМОК) и описаны первые результаты ее применения.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, социология, методы анализа, системная методика оценки коррупции.

E.L. Sidorenko,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Trial and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Head of the Laboratory of the Criminological Analysis and Prediction of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, ph.: +7(499)1501018; e-mail: 12011979@list.ru

SOCIOLOGICAL ASSESSMENT OF CORRUPTION: NEW HORIZONS

Abstract. This paper examines the main methodological approaches to measuring corruption, its composite economic, political and social nature. On the basis of generalization of the researches of bribery, the author's systemic technique of assessment of corruption (STAC) is suggested and the first results of its application are described.

Keywords: corruption, bribery, sociology, methods of analysis, systemic technique of corruption assessment.

В последние два десятилетия произошла качественная трансформация представлений об общественной опасности коррупции: из разряда привычных криминальных явлений она трансформировалась в глобальную правовую, социальную и политическую проблему современного государственного устройства и мощный рычаг давления со стороны международного сообщества.

Как любая удачно найденная идея, способная объяснить социальные и экономические катаклизмы, проблематика коррупции очень скоро приобрела идеологическое звучание, а вектор научных исследований сместился на изучение ее масштабных последствий: стагнации общества, трансформации социальных структур, институциональной экспансии коррупции в традиционные общественные институты и др. [1; 3].

Сегодня социологи, политологи и криминологи предпочитают говорить об отдельных резонансных проявлениях коррупции и оставляют за рамками исследований ее многогранное предметное содержание. К ней постоянно апеллируют, но не исследуют природу, оценивают ее тенденции, но не анализируют породившие их причины.

Наиболее рельефно это проявляется при выборе методики измерения коррупции.

В зависимости от концептуальных моделей, объясняющих механизм возникновения и воспроизводства взяточничества, можно выделить три основных направления в его социологическом и криминологическом изучении:

1. Экономическая модель исследования коррупции. Начало ее развитию было положено в трудах таких известных западных экономистов, как М. Фридмен, Д. Стиглер, Дж. М. Бьюкенен, В. Ландс, П. Рубин, М. Олсон, Г. Таллок, Л. Туроу и др. [2; 15].

В основу теории закладывается экономическая выгода бытовой коррупции, а участники криминальных отношений рассматриваются сквозь призму отношений «производитель – потребитель», где государственный служащий предлагает соответствующую услугу, а другое лицо ее приобретает (А. Шлейфер, П. Чандер и др.). При этом основной причиной воспроизводства коррупции является ее экономическая выгода для участников товарооборота.

В зависимости от того, какой из компонентов коррупции видится определяющим, выделяются отдельные направления экономической теории:

– клиент-ориентированный подход направлен на изучение процесса коррумпирующей организации – потребителя коррупции, начиная от ее внутренней структуры и заканчивая внешними проявлениями хозяйственной политики. Данное направление получает активное развитие в рамках социологического исследования комплаенс-процедур отдельных мероприятий. На основе сопоставления факторов воспроизводства коррупции в отдельных секторах экономики прогнозируется ее дальнейшее развитие и определяются перспективные направления профилактической деятельности;

– не менее интересной является динамическая модель социологического анализа. Она сосредоточена на изучении переходных процессов в системе государственного управления и позволяет оценить коррупцию одновременно на макро-, мезо- и микроуровнях. Данный подход видится продуктивным в исследовании региональной коррупции в ее взаимосвязи с социально-экономическими индикаторами.

В развитии данного направления нами была разработана авторская методика оценки полифакторного индекса коррупции (ПИК), слагаемого из показателей корреляции взяточничества и инвестиционного климата, производственного потенциала, природно-ресурсного комплекса, потребительской активности и прожиточного уровня населения, а также показателей безработицы [3; 64].

Апробация авторской методики позволила дифференцировать субъекты РФ на дотационные и инвестиционно-привлекательные и установить устойчивые системные зависимости между экономической спецификой региона и характером коррупции в нем.

В частности, было отмечено, что в инвестиционно-привлекательных регионах уровень бытовой коррупции заметно ниже, чем в дотационных (в среднем, на 12%). В экономически развитых регионах бытовое взяточничество уступало место так называемой «верхушечной» коррупции, непосредственно связанной с экономической деятельностью и сферой государственных закупок [4; 155-162].

Не менее важным является подход, ориентированный на оценку коррупции сквозь призму транзакционных издержек (Л. Олсон). Он основывается на изучении коррупции в плоскости ее экономической и конъюнктурной выгоды. В этом случае на первое место выступает проблема цены преступности и выявления рисков быть выявленным и осужденным за коррупционные правонарушения.

2. Не менее перспективными представляются и политические модели оценки коррупции:

– функциональный подход основывается на изучении полезности коррупции на том или ином этапе развития системы государственного управления. По мнению М. Вебера, именно взяточничество «усиливает позицию высших слоев общества (элит) и является основным двигателем социальной эволюции и снятия конфликта между низами и верхами» [5; 11]. Несмотря на спорность и известную скандальность данного утверждения, оно, тем не менее, позволяет оценить, насколько коррупция способна изменить систему государственного управления;

– развивая эту идею, институционалисты основную цель изучения коррупции видят в поиске оптимальной модели экономического развития. Как утверждает С. Хантингтон, во взяточничестве проявляется несоответствие принятых норм, утвержденных в обществе, моделям поведения. И именно через анализ этого несоответствия возможно определить перспективные

направления развития социальных институтов [6; 101].

3. В отдельную группу методов целесообразно выделять собственно социологические приемы изучения коррупции: статистический анализ, опросы и экспертные оценки:

– на основе изучения статистических данных о регистрируемых преступлениях коррупционной направленности, выявленных и осужденных лицах можно провести криминологический анализ коррупции и выявить ее статистические тренды. Но данный метод может быть информативным только при соблюдении следующих методологических требований: анализ длинных динамических рядов, унификация систем отчетности по форме 1-Корр ГИАЦ МВД РФ; систематичность сбора и полнота анализируемой информации;

– социологические опросы в настоящее время являются одним из наиболее востребованных методов оценки коррупции. Это объясняется их доступностью и простотой применения. Однако при более внимательном анализе достоинства социологического опроса оборачиваются его недостатками.

Большинство из проводимых опросов восприятия коррупции страдают односторонностью и не соответствуют требованиям валидности и надежности измерений (методики ВЦИОМ, Левада-Центра, Ро-Мир, Transparency International, Общественной приемной «Чистые руки» и др.).

Но выявляемые недостатки не должны дискредитировать прикладные методики оценки. Напротив, они должны подтверждать необходимость перевода социологических опросов в плоскость трехмерных измерений следующих параметров:

- понимание и объяснение коррупции населением;
- оценка своей готовности дать взятку;
- оценка готовности окружающих дать (получить) взятку.

Совокупная оценка предложенных индикаторов позволяет существенно расширить базовую версию изменений и выявить два важных психологических компонента коррупционного поведения: конформизм и самооправдание.

Каждый из рассмотренных выше методологических подходов позволяет рельефно подчеркнуть лишь один из аспектов коррупции. И только взятые в совокупности они позволяют предложить описание данного явления в комплексе его социальных, правовых и политических составляющих.

С учетом изложенного целесообразным представляется внедрение авторской системной методики оценки коррупции (СМОК). Она основывается на измерении трех основных модулей:

Экономический компонент. В данном контексте коррупция рассматривается как специфический вид социально-экономических отношений, построенных на основе корыстной мотивации и направленных на извлечение прибыли. Прогнозирование преступности в рамках предложенного подхода предполагает оценку выгоды коррупционного поведения, соотношения возможной прибыли и рисков быть выявленным и осужденным, а равно установление корреляционных связей между уровнем взяточничества и основными социально-экономическими показателями развития региона.

Отметим наиболее заметные результаты измерения экономического компонента коррупции: исследования динамических рядов зарегистрированных преступлений и выявленных лиц в период с 2008 по 2015 гг. в их соотношении с экономическими и социальными показателями благополучия населения выявили устойчивую корреляционную зависимость (+0,7) между уровнем коррупции, с одной стороны, и уровнем внутреннего валового продукта и объемом федеральных

бюджетных средств, с другой (корреляция в пределах от 1 до 0,7 говорит о наличии между явлениями устойчивой причинной связи, показатель в границах от 0,3 до 0,7 – о средней связи, более низкие значения могут быть рассмотрены как погрешности учета. Отрицательные корреляционные показатели свидетельствуют о наличии между явлениями обратной зависимости). Это говорит о том, что коррупция в России по-прежнему имеет преимущественно потребительский характер и развивается в рамках отношений «чиновник – гражданин».

Исключения составляют отдельные инвестиционно-привлекательные регионы (Москва, Краснодарский край, Московская область), где большой объем частных инвестиций привел к стремительному развитию бизнес-коррупции. Неслучайно основная доля преступных доходов в этих регионах приходится на сферы государственных закупок.

Говоря об экономическом компоненте коррупции в России, нельзя не отметить наличие обратной корреляции между взяточничеством и материальными ожиданиями населения. Улучшение представлений людей о своем материальном положении приводит к сокращению показателей коррупции, а ухудшение представлений, напротив, сопровождается ее ростом. Эта закономерность выводит на один из важнейших криминологических выводов: российская коррупция – это не просто правовое явление, а индикатор готовности населения разрешать свои материальные затруднения при помощи коррупционных механизмов.

К интересным выводам приводит анализ криминологических рисков быть выявленным и осужденным за коррупционные преступления. По данным официальной статистики (форма 1-Корр ГИАЦ МВД РФ), ежегодно регистрируется около 8000 деяний, предусмотренных

ст. 290 УК РФ, но выявляется только 2000 лиц, получивших взятку. Таким образом, риск быть осужденным за получение подкупа составляет в России 1/4, что является самым низким показателем результативности выявления коррупции по сравнению с европейскими странами.

Заметно лучше показатели риска быть выявленным за дачу взятки. Среднегодовой показатель регистрации преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ, составляет 5300 деяний, а показатель выявляемости лиц – 3800. Таким образом, риск быть выявленным по данной категории преступлений составляет 2/3.

Приведенные выше выводы свидетельствуют о высоком уровне искусственной латентности коррупции и указывают на то, что взяточничество по-прежнему остается экономически выгодной моделью поведения.

В пользу данного вывода говорит соотношение предполагаемых доходов от коррупционной деятельности и сумм изъятых у преступников денежных средств и иного имущества, полученного преступным путем.

Только за январь-сентябрь 2015 г. размер причиненного вреда от преступлений коррупционной направленности составил 36311295 рублей, при этом добровольно был погашен ущерб в размере 4958323 рублей и изъято имущество на сумму 7832100 рублей. Фактически сумма возвращенных средств составила только одну треть от преступного дохода. А принимая во внимание высокий уровень латентности коррупции, показатель доходности взяточничества может быть увеличен более чем на 1000%. В этом случае экономические преимущества коррупционного поведения кажутся еще более значительными.

Таким образом, с позиции транзакционных издержек, коррупция в России может рассматриваться

как экономически выгодный способ решения возникающих вопросов, поскольку уровень криминологических и экономических рисков коррупционного поведения ничтожно мал по сравнению с ее потенциальной выгодой.

2. Политический модуль коррупции может быть оценен на основе корреляционного сравнения уровня коррупции и показателей результативности системы государственного управления.

Корреляционное соотношение коррупции и численности государственного аппарата выявило новый тренд сосредоточения коррупции в средних секторах государственного управления на федеральном уровне, и верхних эшелонах власти – в субъектах РФ.

Применительно к федеральным государственным служащим корреляция коррупции находится в средних значениях (около 0,5), тогда как применительно к представителям органов исполнительной власти субъектов РФ она составляет более 0,8.

Важно обратить внимание и на приобретение коррупцией кластерного характера. Если десять лет назад очагом воспроизводства взяточничества являлись органы внутренних дел, то сейчас они уступают место органам исполнительной власти субъектов РФ.

Вопреки ожиданиям, повышение уровня антикоррупционного образования чиновников приводит к повышению уровня коррупции. Данная закономерность подтверждает вывод о том, что коррупционное поведение в России является устойчивой формой поведения, а антикоррупционное образование используется чиновниками для усложнения и совершенства преступных схем.

В целом, исследование политического компонента взяточничества позволило говорить об институализации коррупции на уровне высших органов исполнительной власти

субъектов РФ и среднего уровня федеральных органов власти.

К интересным выводам привел и социологический анализ, построенный на комплексной оценке трех параметров: понимания коррупции населением, оценки собственной готовности дать взятку и оценки готовности окружающих дать (получить) взятку.

Эмпирическую основу исследования составили результаты опроса 300 человек, относящихся к различным социальным, возрастным и гендерным группам.

Ограниченный круг респондентов не позволяет говорить о высокой репрезентативности и объективности представленных ниже данных. Но в то же время проведенный нами опрос выявляет ряд интересных закономерностей, которые могут быть подтверждены в рамках более масштабных опросов.

В частности, было установлено, что чуть менее половины респондентов (46%) рассматривают коррупцию как форму передачи взятки гражданином чиновнику с целью разрешения какого-либо конфликта или ускорения решения вопроса. 25% видят в ней злоупотребление чиновником своей властью с корыстной целью. 14% рассматривают коррупцию как результат слияния государства и бизнеса, и, наконец, 15% оценивают ее с позиции порождающих коррупцию причин. Характерно то, что за последние три года наметилось заметное увеличение последней группы мнений.

Что же касается готовности дать взятку, то здесь распределение мнений является стабильным. 53% респондентов считают для себя возможным дать взятку, если «иного выхода нет», 32% считают коррупцию незаконным, но удобным способом общения с чиновниками. И только 15% заявили о категорическом неприятии для себя дачи взятки.

Не менее информативной является и оценка готовности

окружающих брать или давать взятки. 68% респондентов убеждены, что граждане России готовы участвовать в коррупционных схемах. 22% убеждены, что окружающие готовы дать взятку под давлением чиновников и 10% отметили, что не считают население готовым добровольно участвовать в коррупционных схемах.

Показательным является тот факт, что на вопрос: «Как Вы оцениваете готовность российских чиновников получать взятку?», 92% респондентов подтвердили эту готовность, 6% затруднились ответить, и только 2% отметили неподкупность чиновников.

Анализ ответов респондентов позволил говорить о коррупционной стигмации госслужащих. И выявленная закономерность только на первый взгляд может показаться безобидной. В действительности же она является мощным фактором воспроизводства коррупции, ибо позволяет потенциальным взяткополучателям вовлекать чиновников в коррупцию, пользуясь принципом «так все делают».

Установление данной закономерности позволяет поставить под сомнение утверждение о том, что вовлечение во взяточничество идет от взяткополучателя к взяткодателю. В действительности же в более чем 30% случаев именно взяткодатель формирует модель поведения взяткополучателя, особенно на уровне низовой бытовой коррупции.

Отмеченные выше криминологические тенденции являются результатом апробации авторской системной методики оценки коррупции (СМОК) и могут быть рассмотрены как новые межвыевые знаки в научном измерении коррупции, которым только предстоит быть подтвержденными.

Пока очевидно одно: российская коррупция представляет собой сложный правовой, экономический и политический феномен, который не может быть

изучен и объяснен исключительно на основе отдельных прикладных исследований. Современные социология и криминология уже накопили необходимый и достаточный методологический инструментарий для того, чтобы приступить к новому – совместному – изучению взаимодействия и основных факторов его воспроизводства.

Примечания:

1. Куприянов И.С. Бытовая коррупция в современной России: социальное содержание и основные тенденции: дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2001.

2. Лагов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. М., 2006.

3. Сидоренко Э.Л. Система виктимологической профилактики преступлений: быть или не быть? // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 4 (8).

4. Сидоренко Э.Л. Мониторинг коррупции в России: первые итоги и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). С. 155-162.

5. Чечуров А.В. Коррупция: историко-философская ретроспектива // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2010. № 3.

6. Хантингтон С. Третья волна демократизации в конце XX века. М., 2003.

References:

1. Kupriyanov I.S. Everyday corruption in modern Russia: social content and basic tendencies: dis. for the cand. of Sociology degree. N. Novgorod, 2001.

2. Lagov Yu.V., Kovalev S.N. Shadow economy. M., 2006.

3. Sidorenko E.L. System of victimological crime prevention: to be or not to be? // Library of criminal law and criminology. 2014. No. 4 (8).

4. Sidorenko E.L. Monitoring of corruption in Russia: first results and prospects // Library of criminal law and criminology. 2015. No. 2 (10). P. 155-162.

5. Chechurov A.V. Corruption: historical and philosophical retrospective // Bulletin of Volgograd State University. Ser. 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies. 2010. No. 3.

6. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. M., 2003.